

МАРСЕЛЬ МОСС

ОЧЕРК О ДАРЕ. ФОРМА И ОСНОВАНИЕ ОБМЕНА В АРХАИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ.

(Мосс М. Общества. Обмен. Личность. – М.: «Восточная литература» Ран, 1996)

Данная работа представляет собой часть более обширных исследований. В течение ряда лет наше внимание направлено на изучение одновременно системы договорного права и системы экономических поставок между различными частями или подгруппами так называемых первобытных обществ, а также тех, которые мы могли бы назвать архаическими. Это огромный комплекс фактов, каждый из которых сам по себе очень сложен. Здесь перемешано все, что составляет собственно социальную жизнь обществ, предшествовавших нашим, вплоть до протоисторических.

В этих «тотальных» («целостных»), как мы предлагаем их называть, социальных явлениях одновременно находят выражение разного рода институты: религиозные, юридические и моральные — и вместе с тем политические и семейные; экономические, предполагающие особые формы производства и потребления или, точнее, поставок и распределения; не говоря уже о феноменах эстетических, венчающих эти факты, и морфологических, выражающихся в названных институтах. Из всех указанных сложнейших аспектов, из этого множества находящихся в движении социальных объектов мы хотим рассмотреть здесь только одну глубинную, но специфическую черту: добровольный, внешне, так сказать, свободный и безвозмездный и, однако, в то же время принудительный и небескорыстный характер этих поставок. Они почти всегда облекались в форму подношения, великодушно вручаемого подарка, даже тогда, когда в этом жесте, сопровождающем сделку, нет ничего, кроме фикции, формальности и социального обмана, когда за этим кроются обязательность и экономический интерес. Более того, хотя мы и обозначим точно разнообразные принципы, породившие эту обязательность обмена (т. е. самого разделения общественного труда), все же из всех этих принципов мы углубленно изучим лишь один. Какова юридическая и экономическая норма, заставляющая в обществах отсталого или архаического типа обязательно отвечать подарком на подарок? Какая сила, заключенная в даримой вещи, заставляет одариваемого делать ответный подарок? Такова проблема, на которой мы сосредоточим внимание, не упуская из виду все остальные. Привлекая достаточно большое число фактов, мы надеемся ответить именно на этот вопрос и показать направление, в котором может развернуться все исследование смежных вопросов. Выяснится также, каковы новые проблемы, стоящие перед нами: те, что касаются постоянной формы договорной морали, т. е. способа, по которому и в наши дни вещное право продолжает зависеть от обязательного права; а также другие, касающиеся форм и идей, которые всегда, по крайней мере частично, направляли обмен и которые до сих пор в определенной мере замещают понятие индивидуальной выгоды.

Таким образом, мы достигнем сразу двух целей. С одной стороны, мы придем к своего рода археологическим выводам относительно природы соглашений между людьми в обществах, окружающих нас или непосредственно нам предшествовавших. Мы опишем феномены обмена и договора в тех обществах, которые вовсе не лишены, как утверждалось, экономических рынков (так как рынок — человеческий феномен, не чуждый, с нашей точки зрения, «йодному из известных обществ»), но где порядок обмена отличен от нашего. Рынок в них прослеживается до возникновения института торговцев и до их главного изобретения — денег в собственном смысле.

Мы увидим, как функционировал этот рынок до того, как были найдены, во-первых, современные, можно сказать, формы (семитская, эллинская, эллинистическая и римская) договора и продажи, а во-вторых — монетного чекана. Мы увидим, как действуют в этих соглашениях мораль и экономика. И поскольку мы установим, что мораль и экономика подобного рода продолжают постоянно и, так сказать, подспудно функционировать и в наших обществах, поскольку мы считаем, что обнаружили здесь одну из фундаментальных основ наших обществ, мы сможем извлечь отсюда некоторые нравственные выводы относительно проблем, порожденных нашим правовым и экономическим кризисом, на чем и остановимся. Эта страница социальной истории, теоретической социологии, нравственных выводов, политической и экономической практики, в сущности, приводит нас к тому, чтобы опять в новой форме поставить старые и в то же время всегда новые вопросы.

МЕТОД, ПРИМЕНЕННЫЙ В РАБОТЕ.

Мы пользовались методом точного сравнения. Прежде всего, мы, как и всегда, исследовали наш предмет только в определенных, заранее отобранных ареалах: в Полинезии, в Меланезии, на северо-западе Америки, а также в некоторых важных правовых системах. Затем, естественно, мы отбирали лишь те правовые системы, где документы и проведенная филологическая работа открывали доступ к сознанию самих обществ, поскольку дело касалось терминов и понятий: это еще больше ограничило область наших сравнений. Наконец, отдельные части нашего исследования относятся к системам, каждую из которых мы стремились описывать последовательно в ее интегрированности. Мы, таким образом, отказались от такого распространенного вида сравнений, где перемешивается все и вся, где институты теряют всякий местный колорит, а источники — свой особый стиль.

ПОСТАВКА. ДАР И ПОТЛАЧ.

Настоящая работа составляет часть серии давних исследований архаических форм договора, проводимых Дави и мной. Здесь необходимо кратко изложить суть этих исследований.

Представляется маловероятным, чтобы как в достаточно близкую к нам эпоху, так и в обществах, столь неудачно называемых первобытными или низшими, когда-либо существовало нечто похожее на то, что называют «естественной экономикой». Вследствие странного, но вошедшего в традицию заблуждения для доказательства существования этого типа экономики привлекали даже тексты Кука относительно обмена и меновой торговли у полинезийцев. Тех самых полинезийцев, которых мы будем здесь рассматривать, дабы показать, насколько далеки они в области права и экономики от естественного состояния.

В экономических и правовых системах, предшествовавших нашим, не установлен обмен имущества, богатства продуктов просто в форме рыночной торговли между индивидами. Сначала принимают на себя взаимные обязательства обмениваются и договариваются не индивиды, а коллективы; участвующие в договоре являются юридическими лицами: это кланы, племена, семьи, которые встречаются и сталкиваются друг с другом группами либо непосредственно, либо через посредничество своих вождей, либо обоими способами одновременно. Более того, то, чем они обмениваются, состоит отнюдь не только из богатств, движимого и недвижимого имущества, из вещей, полезных в экономическом отношении. Это прежде всего знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки, на которых рынок составляет лишь один из элементов, а циркуляция богатств — лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора. Наконец, эти поставки и ответные поставки осуществляются преимущественно и добровольной форме, подношениями, подарками, хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или общественного масштаба. Мы предложили назвать все это системой совокупных тотальных поставок. В целом наиболее чистый тип этих институтов представлен, на наш взгляд, союзом двух фратрий в австралийских или североамериканских племенах, где обряды, заключение браков, наследование имущества, правовые и экономические связи, военные и жреческие ранги — все дополняет друг друга и предполагает сотрудничество обеих половин племени. Игры, например, регулируются ими особенно тщательно. Тлинкиты и хайда, два племени северо-запада Америки, хорошо выражают природу этих обычаев, говоря, что «обе фратрии проявляют друг к другу уважение».

Однако в последних двух племенах северо-запада Америки и во всем этом регионе обнаруживается, конечно, типичная, но развитая и относительно редкая форма, этих тотальных поставок. Мы предложили назвать ее потлачем, как, впрочем, называют ее американские авторы, используя чинукское название, которое вошло в повседневный язык белых и индейцев от Ванкувера до Аляски. «Потлач» означает главным образом «кормить», «расходовать». Эти весьма богатые племена, живущие на островах, на побережье или между Скалистыми горами и побережьем, проводят зиму в непрерывном праздновании: пиршествах, ярмарках и торгах, которые одновременно являются торжественными собраниями племени. Последнее располагается на них согласно своим иерархическим братствам и своим секретным обществам, которые часто путают с братствами и с кланами; и все это — кланы, бракосочетания, инициации, сеансы шаманизма, культ великих богов, тотемов и коллективных или индивидуальных предков клана — смешивается в сложном переплетении обрядов, юридических и экономических поставок, установлений политических рангов в мужском союзе, в племени, в конфедерациях племен и даже в международном плане и. Но особенно примечателен в этих племенах принцип соперничества и антагонизма, доминирующий во всех названных действиях. Дело доходит до сражений, до предания смерти вождей и знати, вступающих в подобное противостояние. И наряду с этим наблюдается

расточительность, уничтожение накопленных богатств с целью затмить вождя-соперника вместе с его близкими (обычно имеются в виду дед, тесть, зять). Здесь имеет место тотальная поставка в том смысле, что именно весь клан через своего вождя договаривается за всех, за все, чем он обладает, и за все, что он делает. Но со стороны вождя эта поставка приобретает явно выраженную агонистическую манеру. Ей присущи черты ростовщичества и расточительства, в ней прежде всего отразилась борьба знати между собой за место в иерархии, которым впоследствии воспользуется клан.

Мы предлагаем оставить название «потлач» для такого рода института, который можно наиболее осторожно и точно, хотя и слишком длинно, назвать тотальные поставки агонистического типа.

До сих пор мы находили примеры данного института почти исключительно в племенах северо-запада и части севера Америки, в Меланезии и в Папуа. Повсюду в других местах, в Африке, Полинезии и Малайзии, в Южной Америке, в остальной части Северной Америки, обмен между кланами и семьями, как нам представлялось, относится к более элементарному типу тотальной поставки. Однако более углубленные исследования сейчас обнаруживают довольно значительное число промежуточных форм между таким обменом с ожесточенным соперничеством и уничтожением богатств, как на северо-западе Америки и в Меланезии, и другими, с соревнованием более умеренным, в которых стороны состязаются в подарках; так мы соперничаем в наших праздничных подарках, пиршествах, свадьбах, в повседневных приглашениях и так же чувствуем себя обязанными отплатить, *gevanchieren*, как говорят немцы. Мы установили существование этих промежуточных форм в индоевропейской античности, в частности у фракийцев.

Этот тип правовых и экономических отношений включает в себя самые разнообразные правила и шдеи. Наиболее важный среди этих духовных механизмов, очевидно, тот, что обязывает возместить полученный подарок. Но нигде моральное и религиозное основание такого принуждения не выражено более явно, чем в Полинезии. Исследуем же его более детально, и мы ясно увидим, какая сила толкает к тому, чтобы возместить полученную вещь и вообще выполнять вещные договоры.

ГЛАВА I ОБМЕНИВАЕМЫЕ ДАРЫ И ОБЯЗАННОСТЬ ВОЗМЕЩАТЬ ИХ (ПОЛИНЕЗИЯ)

I ТОТАЛЬНАЯ ПОСТАВКА: ЖЕНСКОЕ ИМУЩЕСТВО ВЗАМЕН МУЖСКОГО (САМОА)

В исследованиях, посвященных распространению системы договорных даров, долгое время считалось, что в Полинезии не существует собственно потлача. Наиболее близкие к нему институты в полинезийских обществах воспринимались как не выходящие за рамки системы «тотальных поставок», постоянных договоров между кланами, поставляющими своих женщин, мужчин, детей, обряды и т.д. Факты, изученные нами ранее, в частности на Самоа, примечательный обычай обмена геральдическими циновками между вождями во время бракосочетания, казались не выходящими за пределы этого уровня. Элементы соперничества, разрушения, борьбы, казалось, отсутствуют, в то время как в Меланезии они существуют. Наконец, было слишком мало фактов. Теперь мы можем быть менее осторожными в своих выводах.

Прежде всего, система договорных подарков на Самоа распространяется далеко за пределы бракосочетания; они сопровождают такие события, как рождение ребенка, обрезание, болезнь, наступление половой зрелости девушки, погребальные обряды, торговля.

Затем четко прослеживаются два существенных элемента потлача в собственном смысле: честь, престиж, мана, которую несет с собой богатство, и безусловная обязанность возмещать дары под угрозой потерять маиу — власть, талисман и источник богатства, воплощенный в самой власти. С одной стороны, как пишет об этом Тэрнер: «После праздников рождения, после получения и возврата олоа и тонга, иначе говоря, мужского и женского имущества, муж и жена оказывались не более богатыми, чем ранее. Но они испытывали удовлетворение от того, что увидели и что считали высокой честью: множество имущества, собранного по случаю рождения их сына». С другой стороны, эти дары могут быть обязательными, постоянными, без каких-либо ответных поставок, кроме порождающего их правового состояния. Так, ребенка, которого сестра (отца) и, следовательно, зять, дядя по материнской линии, принимает для воспитания от своего брата (и зятя),

даже называют тонга — «материнское имущество». Таким образом, он является «каналом, через который имущество коренной семьи (тонга) продолжает перетекать из семьи ребенка в эту семью. С другой стороны, ребенок для его родителей есть средство добиться чужого имущества (олоа), принадлежащего принявшим его родственникам в течение всего времени проживания у них ребенка». «... Это принесение в жертву (естественных связей) постоянно облегчает торговый обмен своей и чужой собственности». В целом ребенок, материнское имущество, является средством, благодаря которому имущество материнской семьи обменивается на имущество отцовской. Здесь достаточно констатировать, что, живя у своего дяди по материнской линии, он, несомненно, имеет право жить у него и, следовательно, обладает общим правом на его собственность; эта система «fosterage» представляется весьма близкой общему праву, признаваемому в Меланезии за материнским племянником на собственность его дяди. Не хватает только темы соперничества, борьбы, разрушения, чтобы существовал потлач.

Отметим, однако, эти два термина: олоа, тонга, особое внимание обратив на второй из них. Он обозначает один из в-идов парафернального имущества¹, в частности свадебные циновки, наследуемые дочерьми, рожденными в этом браке, украшения, талисманы, которые женщина приносит с собой во вновь созданную семью с условием возмещения. В общем, по предназначению тонга — нечто вроде недвижимого имущества. Олоа в целом обозначает предметы, большей частью инструменты, принадлежащие только мужу; это главным образом движимое имущество. Этот термин сейчас применяют также по отношению к вещам, исходящим от белых.

Это, несомненно, недавнее расширение смысла. И мы можем пренебречь переводом Тэрнера: «Олоа — чужое», «тонга — свое». Он неточен и недостаточен или же безынтересен, так как он доказывает, что некоторые виды собственности, называемые тонга, больше связаны с землей, кланом, семьей и личностью, чем другие, называемые олоа.

Но если мы расширим поле нашего наблюдения, понятие тонга сразу же приобретет иной масштаб. Оно обозначает на маорийском, таитянском, танганском и мангареванском языках все, что является собственностью в прямом смысле слова, все, что делает человека богатым, могущественным, влиятельным, все, что можно обменять, объект возмещения. Это не только сокровища, талисманы, гербы, священные циновки, идолы, но иногда также традиции, культы и магические ритуалы. Здесь мы соприкасаемся с понятием собственности-талисмана, которое, как мы уверены, свойственно всему малайско-полинезийскому и даже всему тихоокеанскому миру.

II ДУХ ОТДАННОЙ ВЕЩИ (МАОРИ)

Итак, наблюдение это приводит нас к очень важной констатации. Предметы таонга, по крайней мере в теории права и религии маори, очень тесно связаны с личностью, кланом, землей: они проводники своей «маны», магической, религиозной и духовной силы. В одной пословице, к счастью обнаруженной сэром Д. Грэм и Ч. О. Дэвисом, к ним обращена мольба уничтожить человека, принявшего их. Стало быть, они содержат в себе эту силу на тот случай, если правовая обязанность, особенно обязанность возмещать, не стала бы соблюдаться.

Наш незабвенный друг Герц предвидел значение этих фактов. С присущим ему трогательным бескорыстием он отметил на карточке «для Дави и Мосса» следующий факт. Коленсо говорит: «У них было нечто вроде системы обмена или скорее наделения подарками, которые впоследствии следовало обменять или возместить». Например, (меняют сушеную рыбу на вареную птицу, на циновки. Все это обменивается между племенами или «дружественными семьями без всяких условий».

Но Герц отметил также — я вижу (это по его карточкам — один текст, значение которого ускользнуло от нас обоих (так как он и мне был известен).

По поводу хау, духа вещей и, в частности, духа леса и живущей в нем дичи, Тамати Ранаипири, один из лучших информаторов Элсона Беста среди маори, совершенно случайно и неожиданно (дает нам ключ к решению проблемы. «Я расскажу вам сейчас о хау... Хау — это не дующий ветер. Никким образом. Представьте себе, что вы обладаете определенным предметом (таонга) и даете мне этот предмет, даете без установленной платы. Мы не оформляем торговой сделки по этому поводу. Затем я даю этот предмет третьему лицу, которое то истечения: некоторого времени решает вернуть нечто в виде платы (уту), он дарит мне какую-то вещь (таонга). Но та таонга, которую он дает мне, есть дух (хау) таонги, который я получил от вас и который я дал ему. Необходимо, чтобы я вернул

¹ Имущество жены, не вошедшее в состав приданного.

вам таонги, полученные мною за эти таонги (полученные от вас). С моей стороны не будет справедливо (тика) держать эти таонги у себя, независимо от того, желательны (раве) они или неприятны (кино). Я должен дать их вам, так как они представляют собой хау таонги, которую вы мне дали. Если бы я оставил эту вторую таонгу себе, это могло бы причинить мне большое горе, даже смерть. Таково хау, хау личной собственности, хау таонги, хау леса. Кати эна (Довольно об этом)».

Этот важный текст заслуживает некоторых комментариев. Будучи чисто маорийским, изобилующий еще теологическими и юридическими неточностями, учениями «дома таинств», но временами удивительно ясный, он содержит лишь одно непонятное место: вмешательство третьего лица. Но чтобы правильно понять маорийского юриста, достаточно сказать: «Таонга и всякая личная собственность в строгом смысле слова обладают неким хау, духовной властью. Вы даете мне какой-нибудь предмет, я даю его третьему лицу; тот отдает мне другой предмет, потому что его принуждает хау моего подарка; а я обязан дать вам эту вещь, потому что надо вернуть вам то, что в действительности составляет продукт хау вашей таонги».

Такая интерпретация не только проясняет эту идею, но и выдвигает ее на одну из главенствующих позиций в маорийском праве. Обязывает в полученном «обменном» подарке именно то, что принятая вещь не инертна. Даже оставленная дарителем, она сохраняет в себе что-то от него самого. Через нее он обретает власть над получателем, так же как, владея этой вещью, он обладает властью над вором. Ибо таонга одушевляется хау своего леса, своей местности, своей почвы; она действительно является «коренной»: хау преследует всякого владельца.

Оно преследует не только первого получателя дара и даже в известных случаях третьего, но всякого индивида, которому таонга просто передана. В сущности, именно хау хочет вернуться в место своего рождения, в святилище леса и клана и к владельцу. Именно таонга или его хау, которое, впрочем, само представляется чем-то вроде индивида, неотступно следуют за чередой пользователей, пока те не возместят через пиры, угощения и подарки из своей сущности, своих таонга, своей собственности или же труда и торговли эквивалент полученному или нечто более высокой ценности, что, в свою очередь, обеспечит дарителям авторитет и власть над первоначальным дарителем, ставшим последним получателем дара. Такова, по-видимому, главная идея, управляющая на Самоа и Новой Зеландии обязательной циркуляцией богатств, дани и даров.

Данный факт проясняет наличие двух важных систем социальных явлений в Полинезии и даже за ее пределами. Прежде всего устанавливается природа юридической связи, вызывающей передачу вещи. Мы вскоре вернемся к этому вопросу и покажем, как эти факты могут способствовать созданию общей теории обязательств. Но пока что совершенно ясно, что в маорийском праве правовая связь, связь посредством вещей — это связь душ, так как вещь сама обладает душой, происходит от души. Отсюда следует, что подарить нечто кому-нибудь — это подарить нечто от своего «Я». Итак, теперь мы лучше представляем себе самоё природу обмена посредством даров, всего того, что мы называем тотальными поставками, а среди последних — природу «потлача». В этой системе идей считается ясным и логичным, что надо возвращать другому то, что реально составляет частицу его природы и субстанции, так как принять нечто от кого-то — значит принять нечто от его духовной сущности, от его души. Задерживать у себя эту вещь было бы опасно, смертельно, и не просто потому, что это не дозволено, но также и потому, что не только морально, но и физически и духовно эти идущие от личности вещи, эта сущность, пища, движимое и недвижимое имущество, женщины или потомки, обряды или союзы обладают над вами религиозно-магической властью. Наконец, даваемая вещь не инертна. Будучи одушевленной, часто индивидуализированной, она стремится к возвращению в «родительский дом», как это называет Герц, или же к созданию для клана и почвы, местности, откуда она вышла, некоего эквивалента самой себя.

III

ДРУГИЕ ТЕМЫ: ОБЯЗАННОСТЬ ДАВАТЬ, ОБЯЗАННОСТЬ ПРИНИМАТЬ

Чтобы вполне понять институт тотальной поставки и потлача, остается найти объяснение двум другим дополняющим его моментам. Ведь тотальная поставка включает «е только обязанность возмещать полученные дары, но и две другие, столь же важные: делать подарки, с одной стороны, принимать их — с другой. Единая теория трех названных обязанностей, трех тем единого комплекса дала бы достаточно фундаментальное объяснение этой формы договора между полинезийскими кланами. Пока же мы можем указать лишь подход к трактовке предмета.

Мы легко обнаружим множество фактов, относящихся к обязанности принимать, так как клан, семья, компания, гость не вольны не просить гостеприимство, не принимать подарки, не торговать,

не заключать союзы посредством обмена женщинами и родством. Даяки даже развили целую правовую и моральную систему, обязывающую людей не уклоняться от участия в трапезе, на которой они присутствуют или которую готовят.

Обязанность давать не менее важна; ее изучение сможет прояснить, как люди становились менялами. Мы можем отметить лишь несколько фактов. Отказаться дать, пригласить, так же как и отказаться взять, тождественно объявлению войны; это значит отказаться от союза и объединения. Кроме того, дают потому, что вынуждены это делать, потому, что получатель обладает чем-то вроде права собственности на все, что принадлежит дарителю. Эта собственность выражается и воспринимается как духовная связь. Так, в Австралии зять, который должен отдавать все продукты своей охоты тестю и теще, не может ничего есть в их присутствии, боясь, как бы их дыхание не отравило его еду. Ранее мы рассматривали подобные права, которыми обладают таонга племянника по женской линии на Самоа, полностью сравнимые с правами такого же племянника (вазу) на Фиджи.

Во всем этом содержится совокупность прав и обязанностей потреблять и возмещать, соответствующих правам и обязанностям дарить и принимать. Но эта неразделимая смесь симметричных и противоположных прав и обязанностей перестает казаться противоречивой, если представить себе, что существует прежде всего сочетание духовных связей между вещами, относящимися в какой-то мере к душе, и индивидами и группами, отчасти воспринимающими себя как вещи.

И все эти институты выражают исключительно один факт, один социальный порядок, одну определенную форму сознания, а именно: все — пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги — составляет предмет передачи и возмещения. Все уходит «приходит так, как если бы между кланами и индивидами, распределенными по рангам, полам и поколениям, происходил постоянный обмен духовного вещества, заключенного в вещах и людях.

IV

РЕМАРКА. ПОДАРОК ЛЮДЯМ И ПОДАРОК БОГАМ.

Четвертая тема, имеющая значение в экономике и этике — это тема подарка, вручаемого людям для богов и природы. Мы не провели общего исследования, необходимого для выявления значения данного явления. Более того, не все факты, которыми мы располагаем, относятся к очерченным нами ареалам. Наконец, мифологический элемент, который мы еще плохо понимаем, в данном случае слишком силен, чтобы мы могли от него абстрагироваться. Поэтому мы ограничимся несколькими замечаниями.

Во всех обществах северо-восточной Сибири и у эскимосов западной Аляски, так же как и у эскимосов азиатского берега Берингова пролива, потлач воздействует не только на людей, соперничающих в щедрости, не только на вещи, которые они передают друг другу или потребляют во время потлача, не только на души умерших, которые на нем присутствуют, участвуют в нем или имя которых носят люди; он воздействует также и на природу. Обмен подарками между людьми, *pame-sakes* [люди, названные в честь кого-либо], тезки духов, побуждают духов мертвых, богов, вещи, животных, природу быть «щедрыми к ним». Обмен подарками создает большие богатства, объясняют они. Нельсон и Портер дали нам хорошее описание этих праздников и их воздействия на мертвых, на дичь, китов и рыбу, на которых охотятся эскимосы. Эти праздники на жаргоне охотников-трапперов выразительно обозначают как «Зовущий праздник», часть «Приглашения к празднику». Они выходят обычно за пределы зимних поселений. Это воздействие на природу очень четко прослежено в одном та последних трудов об эскимосах.

Азиатские эскимосы изобрели даже нечто вроде особого механизма — колесо, украшенное разного рода провизией и водруженное на шесте с головой моржа на верхушке. Эта часть шеста выступает за пределы церемониального шатра, ось которого он образует. Он приводится в движение изнутри шатра с помощью другого колеса, и его вращают в направлении движения солнца. Невозможно лучше выразить тесную взаимосвязь всех этих тем.

Она очевидна также у чукчей и коряков крайнего северо-востока Сибири. У тех и других существует потлач. Но прибрежные чукчи, как и их соседи юнты, азиатские эскимосы, которых мы только что говорили, больше всего практикуют эти обязательные и добровольные обмены дарами в процессе длительных «Thanksgiving Ceremonies», церемоний благодарственных действий, следующих одна за другой в каждом доме, особенно часто зимой. Остатки праздничного жертвоприношения выбрасываются в море или рассеиваются по ветру; они возвращаются в родные

края и уносят с собой убитую за год дичь, которая вернется в следующем году. Йохельсон упоминает праздники того же рода у коряков, за исключением праздника кита, но он не присутствовал на них. У коряков система жертвоприношения весьма развита.

Богораз справедливо сближает эти обычаи с русской «колядой»: ряженые дети ходят от дома к дому, прося яйца, муку, и им не смеют отказывать. Известно, что этот обычай распространен в Европе.

Взаимоотношения этих договоров и обменов между людьми, с одной стороны, и между людьми и богами — с другой, проясняют целую область теории жертвоприношения. Мы прекрасно понимаем их главным образом в тех обществах, где эти договорные и экономические ритуалы практикуются между людьми, но где эти люди выступают часто как замаскированные, шаманистские инкарнации, находящиеся во власти духа, имя которого они носят. Фактически они действуют только в качестве представителей духов, ибо тогда эти обмены и договоры вовлекают в свой круговорот не только людей и вещи, но и более или менее тесно связанные с ними священные существа. Это в полной мере относится к потлачу тлинкитов, к одному из двух видов потлача у хайда и к потлачу у эскимосов.

Эволюция шла естественно. Одной из первых групп существ, с которыми людям пришлось вступать в договоры и которые по природе своей были призваны участвовать в договорах, оказались духи мертвых и боги. В самом деле, именно они являются подлинными собственниками вещей и благ мира. Именно с ними было необходимее всего обмениваться и опаснее всего не обмениваться. Но в то же время обмен с ними был наиболее легким и надежным. Точный смысл и цель жертвенного уничтожения — служить даром, который обязательно будет возмещен. Все формы потлача северо-запада Америки и северо-востока Азии знакомы с этой темой уничтожения. Предают смерти рабов, жгут драгоценный жир, выбрасывают в море медные изделия и даже сжигают дома вождей не только для того, чтобы продемонстрировать власть, богатство, бескорыстие, но и для того, чтобы принести в жертву духам и богам, в действительности смешиваемым с их живыми воплощениями, носителями их титулов, их признанных союзников.

Но появляется уже и другая тема, которая не нуждается в человеческой поддержке и, возможно, столь же стара, как и сам потлач: люди верят, что покупать надо у богов и что боги умеют возместить стоимость вещей. Вероятно, нигде эта идея не выражена более типично, чем у тораджей с острова Целебес. Круит говорит, «что собственник там должен „покупать“ у духов право совершать определенные действия со „своей“, а фактически с „их“, собственностью». Прежде чем рубить «свой» лес, даже перед тем как начать работать на «своей» земле, установить столб для «своего» дома, надо заплатить богам. Хотя вообще понятие покупки, по-видимому, очень слабо выражено в гражданском и торговом обычае тораджей, понятие покупки у духов и богов, напротив, встречается постоянно.

Касаясь форм обмена, которые мы сейчас опишем, Малиновский отмечает подобные факты на Тробрианских островах. Найдя останки злого духа, «таувау» (змею или земноводного краба), его заклинают, дарят ему ваигу'а — один из тех ценных предметов (закрывающих в себе украшение, талисман и богатство одновременно), которые используются в обменах кула. Такой дар оказывает прямое воздействие на дух этого духа. С другой стороны, вовремя праздника мила-мила, потлача в честь мертвых, оба вида ваигу'а, относящиеся к куле и те, которые Малиновский впервые называет «постоянными ваигу'а», выставляют и преподносят духам на (таком же) помосте, как у вождя. Это делает их духов добрыми. Они уносят тень этих ценных вещей в страну мертвых, где соперничают в богатствах, как соперничают живые, вернувшиеся с торжественной кулы. Ван Оссенбрюгген, который является не только теоретиком, но и замечательным наблюдателем, живущим в самом месте наблюдения, обратил внимание на еще одну черту этих институтов. Дары людям и богам преследуют также цель купить мир с теми и с другими. Таким способом устраняют злых духов и, тире, дурные влияния, даже неперсонализированные, ибо проклятие человека позволяет завистливым духам проникнуть в вас, убить вас, дурным силам — действовать, а проступки против людей ставят несчастного виновного лицом к лицу со зловещими духами и вещам.ц. Таким образом ван Оссенбрюгген интерпретирует, в частности, разбрасывание денег свадебным кортежем в Китае и даже плату за невесту. Это интересная мысль, на основе которой выстраивается целая цепь фактов. Мы видим, что из этого может получиться набросок теории и истории договорного жертвоприношения. Последнее предполагает наличие описываемого нами вида институтов, и, наоборот, оно реализует их в полной мере, так как боги дающие и возмещающие существуют для того, чтобы давать многое взамен малого.

Вероятно, отнюдь не случайно две торжественные формулы договора: латинская *do ut des* («даю тебе, чтобы ты дал») и санскритская *dadami se, dehi me* — сохранились в религиозных текстах.

Другая ремарка: милостыня. Позднее, однако, в процессе эволюции правовых и религиозных систем люди, представляющие богов и мертвых, появляются вновь (если они вообще когда-либо переставали их представлять). Например, у хауса Судана во время созревания «гвинейской пшеницы» случаются эпидемии лихорадки; единственный способ избежать заболевания—дарить эту «пшеницу» бедным. У тех же хауса (на сей раз района Триполи) во время Великой Молитвы (Бабан Салла) дети (как в средиземноморских и европейских обычаях) ходят по домам: «Можно войти?» — «О длинноухий заяц,— отвечают им,— н за одну косточку отплачивают». (Бедный рад заработать на богатых.) Эти дары детям и бедным нравятся мертвым. Возможно, у хауса эти обычаи имеют мусульманское происхождение или же одновременно мусульманское, негритянское и европейское, а также берберское.

Во «всяком случае, мы видим, как вырисовывается здесь теория милостыни. Милостыня является следствием морального понятия дара и богатства, с одной стороны, и понятия жертвоприношения — с другой. Щедрость обязательна, потому что Немезида мстит за бедных и богов из-за излишков счастья и богатства у некоторых людей, обязанных от них избавляться. Это древняя мораль дара, ставшая принципом справедливости: и боги и духи согласны с тем, чтобы доля, которую им выделяли и уничтожали в бесполезных жертвоприношениях, служила бедным и детям. В этой связи уместно обратиться к истории этических воззрений семитов. Первоначально арабская садака, так же как и древнееврейская цедака, представляет собой только справедливость, которая затем превращается в милостыню. Можно даже датировать эпохой Мишны, победой «Бедных» в Иерусалиме, момент рождения учения о милосердии и милостыне, обошедшего мир вместе с христианством и исламом. Именно в это время слово цедака меняет смысл, так как оно не обозначало милостыню в Библии.

Но вернемся к нашему основному предмету: дару и обязанности возмещать дар.

Приведенные факты и комментарии имеют не только локальный этнографический интерес. Сравнение может расширить и углубить эти данные.

Итак, основные элементы потлача обнаруживаются в Полинезии, даже если там нельзя найти институт в целом: во всяком случае, обмен в форме дара там является правилом. Но выделить эту правовую тему только в маорийской или сугубо полинезийской среде не даст ничего, кроме демонстрации эрудиции. Переменим тему. Мы можем показать, что, по крайней мере, обязанность отдаривать распространена гораздо шире. Мы отметим также распространение других обязанностей и докажем, что данная интерпретация применима ко многим другим группам обществ.

ГЛАВА II. РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ЭТОЙ СИСТЕМЫ. ЩЕДРОСТЬ, ЧЕСТЬ, ДЕНЬГИ.

I ПРАВИЛА ЩЕДРОСТИ. АНДАМАНЦЫ (N. V.)

Начнем с того, что такие обычаи обнаружены также у пигмеев — самых первобытных людей, согласно отцу Шмидту. Браун с 1906 г. наблюдал факты подобного рода среди андаманцев (Северный остров) и превосходно описал их в связи с обычаями гостеприимства между локальными группами и визитами-празднествами, ярмарками, способствующими добровольно-обязательному обмену (торговля охрой и продуктами моря в обмен на продукты леса и т.д.). «Хотя такой обмен имеет важное значение, однако, поскольку локальная группа и семья в других случаях фактически могут обходиться собственными орудиями и т. д., эти подарки не служат той же цели, что торговля и обмен в более развитых обществах. Намерения их носят прежде всего моральную окраску, подарки должны породить дружеские чувства между обоими участниками действия, и если бы эта операция не привела «такому результату, вся она потеряла бы смысл...».

«Никто не волен отказаться от предложенного подарка. Все, и мужчины и женщины, стараются превзойти друг друга в щедрости. Происходило нечто вроде соревнования за то, кто сможет дать больше всего вещей наибольшей ценности. Подарки скрепляют брак, образуют родство между двумя парами родителей. Они придают двум «сторонам» единую сущность, и эта сущностная идентичность отчетливо выражается запретом, который впредь, начиная с момента помолвки и до конца их дней, будет подчинять себе обе группы родственников: больше они не видятся друг с другом, не разговаривают, но непрерывно обмениваются подарками. Реально этот запрет выражает и тесную близость, и страх, царящие между этими категориями взаимных кредиторов и должников. Существование такого принципа доказывается следующим: одно и то же табу, означающее

одновременно тесную связь и отчужденность, устанавливается еще между молодыми людьми обоих полов, прошедшими в одно время обряд «поедания черепахи и поедания свиньи» и также обязанными всю жизнь обмениваться подарками. Подобного рода факты встречаются также в Австралии. Браун сообщает также об обрядах встречи после долгой разлуки, об объятиях, приветственных слезах; он показывает, как обмен подарками служит их эквивалентом и как в нем замешаны и чувства и люди.

В сущности, это смесь. Души смешивают с вещами, вещи — с душами. Соединяют жизни, и соединенные таким образом люди и вещи выходят каждый из своей среды и перемешиваются. А именно в этом и состоит договор и обмен.

II ПРИНЦИПЫ, ПРИЧИНЫ И ИНТЕНСИВНОСТЬ ОБМЕНОВ ДАРАМИ (МЕЛАНЕЗИЯ)

Меланезийцы лучше, чем полинезийцы, сохранили или развили потлач. Но наш предмет иной. Во всяком случае, они лучше, чем полинезийцы, с одной стороны, сохранили, с другой — развили всю систему даров и этой формы обмена. А поскольку у них гораздо более четко, чем в Полинезии, проявляется понятие денег, система отчасти усложняется но также и уточняется

Новая Каледония. Мы находим не только идеи, которые предстоит выделить, но даже их непосредственное выражение в характерных свидетельствах, которые Леенхардт собрал о новокаледонцах. Он начал описывать пилу-пилу и систему праздников, подарков, поставок всякого рода, включая денежные, которые, несомненно, надо квалифицировать как потлач. Правовые заявления в торжественных речах глашатаев весьма типичны. Так, во время церемониального представления ямса на пиршестве глашатаи говорит: «Если есть какая-нибудь старинная пилу, с которой мы не встречались там, у Ви... и т.д., этот ямс устремляется туда, как когда-то такой же ямс пришел от них к нам...». Возвращается вещь сама по себе. Далее в той же речи дух предков «ниспосылает... на эти части пищи эффект своего действия и силы». «Результат совершенного вами действия проявляется сегодня. Все поколения заговорили его устами». А вот другой способ представления правовой связи, не менее выразительный — «Наши праздники — это движение иглы помогающей соединять части маленьких соломенных крыш, чтобы сделать из них одну только крышу, только одну клятву». Возвращаются те же самые вещи, одна и та же связующая нить. Другие авторы приводят такие же факты.

Тробрианские острова. На другом краю меланезийского мира существует весьма развитая система, равнозначная системе новокаледонцев. Жители Тробрианских островов относятся к числу наиболее цивилизованных народов этого района. Сегодня это богатые ловцы жемчуга, а до прихода европейцев — богатые производители гончарных изделий, раковинных денег, каменных топоров и драгоценных изделий; они всегда были хорошими коммерсантами и отважными мореплавателями. И Малиновский действительно точно называет их «аргонавтами западной части Тихого океана», сравнивая их с сотоварищами Ясона. В своей книге, одной из лучших в области дескриптивной социологии, разместившейся, так сказать, на территории предмета, который нас интересует, он описывает нам всю систему межплеменной и внутриплеменной торговли, носящую название кула. Нам остается дожидаться описания всех институтов, управляемых теми же правовыми и экономическими принципами: бракосочетания, праздника мертвых, инициации и т.д. Следовательно, описание, которое мы дали, носит лишь временный характер. Но факты значительны и достоверны.

Кула представляет собой нечто вроде большого потлача; осуществляя большую межплеменную торговлю, она распространилась на всех Тробрианских островах, на части островов Д'Антраксто и островов Амфлетт. На этих территориях она косвенно затрагивает все племена, а прямо — несколько больших племен: племена добуна на островах Амфлетт, киривина из Синакеты и китава на островах Тробриан, вакута на острове Вудларк. Малиновский не дает перевода слова кула, несомненно означающего круг. И действительно, дело происходит так, как будто все эти племена, морские экспедиции, ценные вещи и предметы обихода, пища и праздники, услуги всякого рода, ритуальные и сексуальные, эти мужчины и женщины вовлечены в круг и совершают по этому кругу упорядоченное движение во времени и в пространстве.

Торговля кула — занятие знати. Оно отводится вождям, которые являются одновременно командирами флотилий, отдельных лодок, коммерсантами, а также получателями даров от своих подчиненных в виде их детей, братьев, супруга или супруги, тоже находящихся у них в подчинении и в то же время являющихся вождями различных подчиненных деревень.

Кула осуществляется в благородной манере, внешне чисто бескорыстно и скромно. Ее строго отличают от простого экономического обмена полезными товарами, именуемого гимвали. Последний реально практикуется в дополнение к куле на больших первобытных ярмарках, каковыми являются собрания межплеменной кулы, или на маленьких рынках внутриплеменной кулы; он отличается очень упорным торгом сторон, т. е. поведением, недостойным в куле. Об индивидуе, не ведущем кулу с необходимым благородством, говорят, что он ее «ведет, как гимвали». Внешне, во всяком случае, кула, как и потлач в северо-западной Америке, состоит в том, чтобы одни давала, а другие получали, причем получатели в следующий раз становятся дарителями. В наиболее развернутой, торжественной, возвышенной конкурентной форме кулы, происходящей во время больших морских экспедиций, увалаку, правило предписывает уезжать, не беря с собой ничего для обмена, даже для вручения в обмен на пищу, которую отказываются просить. Полагается только получать. Когда же год спустя гостившее племя будет принимать флотилию из племени хозяев, подарки будут возмещены с избытком.

Однако и в куле меньшего масштаба морское путешествие используется для обмена грузами; сама знать занимается коммерцией, так как по этому поводу существует обширная туземная теория. Многих вещей домогаются, их выпрашивают, обменивают, устанавливаются всякого рода связи помимо кулы, но последняя по-прежнему остается целью, решающим моментом в этих связях.

Само дарение выступает в очень торжественных формах, к полученной вещи выражают пренебрежение, ее опасаются, ее берут лишь через минуту после того, как она брошена к ногам. Даритель принимает преувеличенно с кроимы и вид; торжественно и под звуки раковины поднося свой подарок, он извиняется за то, что дает лишь то, что у него осталось, и бросает к ногам соперника и партнера даримую вещь. Однако звуки раковины и глашатай возвещают всем торжественность передачи. Всем этим стремятся показать щедрость, свободу, независимость и благородство. И тем не менее, в сущности, действуют механизмы долга, и даже долга вещевого.

Основным объектом этих обменов-даров являются ваигу'а, нечто вроде денег*. Они бывают двух видов: мвали, красивые браслеты, сделанные из полированных раковин и надеваемые по поводу важных событий их владельцами или родственниками последних; сулава, ожерелья, изготовленные искусными токарями Синакеты из красивых, туго завитых красных раковин, отливающих перламутром. Их надевают в торжественных случаях женщины, в виде исключения — мужчины, например чтобы отогнать беду. Но обычно и ожерелья и браслеты накапливают как сокровища. Их держат, чтобы наслаждаться их обладанием. Изготовление украшений, добыча и ювелирная обработка раковин, торговля этими двумя объектами обмена л престижа, вместе с другими, более светскими и заурядными видами торговли, являются источником богатств тробрианцев.

Согласно Малиновскому, эти ваигу'а охвачены чем-то вроде циркулярного движения: мвали, браслеты, постоянно передаются с запада на восток, а сулава всегда путешествуют с востока на запад.

Эти два противоположно направленные движения совершаются между всеми островами Тробриан, Д'Антраксто, Амфлетт и отдельными островами Вудларк, Маршалл Беннетт, Тюме-тюме и, наконец, крайним юго-востоком побережья Новой Гвинеи, откуда идут грубо обработанные браслеты. Там эта торговля встречается с большими экспедициями того же рода, идущими от Новой Гвинеи (южная часть островов Масоим), которые описывает Селигмал.

В принципе циркуляция этих знаков богатства непрерывна и неотвратима. Их нельзя ни хранить слишком долго, ни медлить или скупиться при избавлении от них, нельзя преподносить их никому иному, кроме как определенным партнерам в определенном направлении: «браслетное направление» — «ожерельное направление». Должно и можно хранить их от одной кулы к другой, и вся община гордится ваигу'а, которые получил кто-нибудь из ее вождей. Бывают даже такие случаи, как подготовка погребальных торжеств, больших с'ои, во время которой дозволено все время получать и ничего не возвращать. Но это только для того, чтобы устроитель все вернул, все израсходовал во время самого торжества. Стало быть, полученный подарок становится собственностью. Но это собственность особого рода. Можно сказать, что она причастна к разнообразным правовым принципам, которые мы, люди нового времени, тщательно отделили друг от друга. Это собственность и владение, залог и аренда, вещь продаваемая и покупаемая и в то же время «сданная на хранение, подлежащая передаче и фидеикомиссу², так как она дается вам лишь при условии ее использования для другого или для передачи ее третьему, «отдаленному партнеру», мури-мури. Таков экономический, юридический и моральный комплекс, подлинный тип, который Малиновский сумел открыть, определить, наблюдать и описать.

² Фидеикомисс – в древнем Риме поручение наследователя наследнику передать какое-либо имущество (также называемое фидеикомиссом) третьему лицу, казанному наследователем.

Этот институт имеет также свою мифологическую, религиозную и магическую сторону. Ваигу'а — это не просто индифферентные предметы, не просто монеты. Все они, по крайней мере наиболее дорогие и желанные (и другие объекты обладают таким же престижем), имеют имя, личность, историю; с ними случаются даже любовные приключения. Дело доходит до того, что некоторые индивиды даже заимствуют их имена. Нельзя сказать, чтобы в действительности они были объектом некоего культа, так как тробрианцы — позитивисты в своем роде. Но нельзя не признать важность и священность природы этих предметов. Обладание ими «само по себе веселит, ободряет, утешает». Собственники ощупывают их и смотрят на них часами. Простой контакт способен передать их свойства мо. Ваигу'а кладут на лоб, на грудь умирающего, ими трут его живот, их заставляют плясать перед его носом. Они составляют его последнюю поддержку.

Но более того. Сам договор ощущается в этой природе ваигу'а. Не только браслеты и ожерелья, но даже любое имущество, украшения, оружие — все, что принадлежит партнеру, настолько оживлено чувством, если не собственной душой, что они сами принимают участие в договоре. Прекрасная формула заклинания, формула «завораживания двустворчатой раковины», будучи произнесенной, служит тому, чтобы приворожить, привлечь из к «кандидату в партнеры» вещи, которые ему надлежит просить и получить:

*(Возбуждение овладевает моим партнером),
Возбуждение овладевает его собакой,
Возбуждение овладевает его поясом...*

И так далее: его гварой (табу на кокосовые орехи и бетель) ... его ожерельем багидо'у... его ожерельем багирику ... его ожерельем багидуду» и т. д.

Другая формула, более мифологическая и любопытная, хотя и более обыденная, выражает ту же идею. У партнера по куле есть помощник, крокодил, которого он призывает и который должен принести ему ожерелья (на Китава — мвали).

Крокодил, накинься на твоего человека, унеси его, затолкай его под гебобо (место для хранения товаров в лодке).

Крокодил, принеси мне ожерелье, принеси мне багидо'у, багирику и т. д.

Предыдущая формула того же ритуала взывает к хищной птице.

Последняя колдовская формула союзников и договаривающихся сторон (у добу или китава, жителей округа Киригина) содержит куплет, которому даются два истолкования. Ритуал очень длительный, он долго повторяется и имеет целью перечислить все, что кула оттеняет, все проявления ненависти и войны, которые надо подвергнуть заклятию, чтобы начать дружеские переговоры.

Вот твоя ярость — собака принохивается.

Вот твоя боевая раскраска — собака принохивается. И т.д.

Согласно другим вариантам:

Твоя ярость, собака послушна. И т. д.

Или же:

Твоя ярость уходит как отлив — собака играет.

Твой гнев уходит как отлив — собака играет. И т. д.

Следует понимать: «Твоя ярость становится подобной играющей собаке». Основное — это метафора собаки, которая встает и подходит лизнуть руку хозяина. Так должен сделать мужчина или же женщина добу. Другая интерпретация, изощренная, по словам Малиновского, не свободная от схоластики, но, очевидно, вполне аборигенная, дает иной комментарий, который в большей мере совпадает с тем, что мы знаем об остальной части: «Собаки играют носом к носу. Как это давно установилось, когда вы произносите слово „собака“, драгоценные вещи поступают так же (т.е. играют). Мы дали браслеты, взамен придут ожерелья, и те и другие встретятся (как собаки, которые обнюхивают друг друга при встрече)». Притча, ее образы красивы. Здесь представлено сразу все пе-

реплетение коллективных чувств: возможная ненависть союзников, разобщенность ваигу'а, преодолеваемая волшебством; люди и драгоценные вещи, собирающиеся, как собаки, которые играют и прибегают на зов.

Другое символическое выражение — брак мвали, браслетов, женских символов и сулава, ожерелий, мужского символа, которые стремятся друг к другу, как самец к самке.

Эти различные метафоры точно передают то же самое, что в других терминах выражает мифологическая юриспруденция маори. В социологическом плане здесь вновь отражено смешение вещей, ценностей, договоров и людей.

К сожалению, мы плохо знаем правовой порядок, господствующий в этих сделках. Либо он не осознан и плохо сформулирован жителями округа Киривина, информаторами Малиновского, либо, будучи ясным для тробрианцев, он должен стать объектом нового обследования. В нашем распоряжении имеются лишь отдельные детали. Первый дар ваигу'а носит название вага, «opening gift». Он начинается — и решительно обязывает получателя дара сделать подарок взамен, иотиле, который Малиновский превосходно переводит как «clinchng gift» — «дар, завершающий сделку». Другое название последнего дара — куду — зуб, который откусывает, отсекает, разрубает и освобождает. Последний дар обязателен, его ждут, и он должен быть равен первому; при случае можно взять его силой или обманом. Можно мстить магическими средствами или, по крайней мере, оскорблениями и руганью за плохой или невозмещаемый иотиле. Если человек не может дать его эквивалента, можно в крайнем случае предложить базы, который только «колет» кожу, не откусывая ее, т. е. не завершает дело. Это нечто вроде подарка ожидания, дающего отсрочку; он успокаивает заимодавца — экс-дарителя, но не освобождает должника, будущего дарителя. Все эти детали любопытны, формы выражение поражают, но здесь нет санкции. Является ли она чисто нравственной и магической? Только ли презирается и при случае околдовывается индивид, «скупой в куле»? Не теряет ли неверный партнер нечто иное: свой знатный ранг или, по крайней мере, место среди вождей? Вот что еще надо выяснить.

Но, с другой стороны, такая система типична. За исключением древнего германского права, о котором речь пойдет дальше, на современном уровне наблюдений, наших исторических, юридических и экономических знаний, трудно встретить практику дара-обмена более четкую, более полную и более осознанную, а в то же время лучше понятую наблюдателем, чем та, которую Малиновский обнаружил на островах Тробриан.

Кула — основная часть этой практики — сама по себе составляет лишь наиболее торжественный момент в обширной системе поставок и ответных поставок, которая охватывает поистине всю совокупность экономической и гражданской жизни островов Тробриан. Кула представляется именно кульминационным пунктом этой жизни, особенно интернациональная и межплеменная кула. Конечно, она составляет одну из целей существования и больших путешествий, но в целом в них участвуют только вожди, притом лишь вожди прибрежных племен, а точнее — некоторых прибрежных племен. Кула лишь конкретизирует, объединяет множество других институтов.

Прежде всего, сам обмен ваигу'а включается во время кулы в целую серию других обменов крайне разнообразной гаммы: от торга до заработной платы, от просьбы до чистой вежливости, от полного гостеприимства до умолчаний и стыдливости. Во-первых, за исключением больших торжественных экспедиций, имеющих чисто церемониальный и соревновательный характер, увалаку, все кулы представляют случай для гимвали, прозаических обменов, а последние не обязательно происходят между партнерами. Существует свободный рынок между индивидами союзных племен наряду с более тесными объединениями. Во-вторых, между партнерами в куле происходит непрерывный обмен дополнительными подарками — их преподносят и получают взамен, — а также обязательные торги. Кула даже предписывает их существование. Создаваемое ею объединение, составляющее ее принцип начинается с первого подарка, вага, которого добиваются изо всех сил «упрашиваниями». Ради этого первого подарка можно угодничать перед будущим еще независимым партнером, которому платят в некотором роде первой серией подарков. Хотя есть уверенность в том, что ответный ваигу'а, иотиле, будет возмещен, однако нельзя быть уверенным, что будет дана вага и что сами «упрашивания» будут приняты. Этот способ прошения и принятия подарка является правилом; каждый из вручаемых таким образом подарков носит специальное имя; их демонстрируют, прежде чем вручить; в данном случае это пари. Другие носят название, указывающее на благородную и магическую природу даримого объекта. Но принять одно из этих подношений — значит выразить склонность к тому, чтобы войти в игру, если не остаться в ней. Некоторые имена этих подарков выражают правовую ситуацию, которую их принятие влечет за собой: в этом случае сделка считается заключенной. Этот подарок обычно представляет собой нечто

достаточно ценное, например большой топор из гладкого камня, ложка из китовой кости. Принять его в действительности значит обязать дать вага, первый желаемый дар. Но пока стороны еще остаются полупартнерами. Только торжественная передача вещи связывает их полностью. Значение и природа этих подношений связаны с особым соперничеством, возникающим между возможными партнерами из прибывающей экспедиции. Они выискивают наилучшего возможного партнера из другого племени. Причина существенна, так как союз, который стремятся создать, устанавливает нечто вроде клана между партнерами. Чтобы осуществить выбор, надо, стало быть, соблазнить, обольстить. Полностью учитывая ранги, надо достигнуть цели раньше других или лучше других, произвести, таким образом, наиболее широкие обмены на самые богатые вещи, которые, естественно, являются собственностью самых богатых людей. Конкуренция, соперничество, хвастовство, стремление к возвышению и выгоде — таковы мотивы, скрывающиеся за этими актами.

Таковы дары прибытия; на них отвечают и им соответствуют другие дары — это дары отъезда (называемые в Синакете тало'и, прощальные); они всегда превосходят дары прибытия. Итак, наряду с кулой уже совершен цикл ростовщических поставок и ответных поставок.

Естественно, на протяжении всего времени совершения этих сделок происходили поставки в виде гостеприимства, пищи и женщин (в Синакете). Наконец, все это время преподносят и другие дополнительные дары, всегда аккуратно возмещаемые. Представляется даже, что обмен этими коротумна является первобытной формой кулы, когда она включала в себя также обмен каменными топорами и изогнутыми свиными клыками.

Впрочем, в нашем понимании вся межплеменная кула представляет собой лишь крайний, наиболее торжественный и драматический пример более общей системы. Она полностью выводит само племя за его узкие пределы, даже за пределы его интересов и прав, однако обычно кланы, деревни внутри себя объединены связями того же рода. Только в данном случае . это локальные и домашние группы, и их главы, снимаясь со своих мест, наносят друг другу визиты, ведут торговлю и заключают браки. Возможно, это уже не называется кулой. Тем не менее Малиновский с полным основанием пишет не только о «морской куле», но и о «внутренней куле» и о «куловых общинах», снабжающих вождя объектами его обмена. Но не будет преувеличением говорить в этих случаях и о потлаче в собственном смысле. Например, визиты жителей киривины на Китаву на траурные церемонии с'ои содержат множество иных элементов помимо обмена ваигу'а. Мы видим там нечто вроде ложного наступления (иоулавада), распределение пищи с выставлением свиней и ямса.

С другой стороны, ваигу'а и все эти объекты не всегда приобретаются, производятся и обмениваются самими вождями и, можно сказать, они не производятся и не обмениваются вождям.и для самих себя. Большая часть стекается к аождям в форме даров от их родственников более низкого ранга, в частности от зятьев, являющихся в то же время вассалами, или от сыновей, которые получили отдельное владение. Взамен, когда экспедиция возвращается, большая часть ваигу'а торжественно передается вождям деревень, кланов и даже простым людям при соединившихся кланов, в делом — любому, кто принял участие в экспедиции, прямое или косвенное, а часто очень косвенное. Таким образом они получают компенсацию.

Наконец, рядом или, если угодно, над, под, вокруг и, на наш взгляд, в глубине этой системы внутренней кулы, система обмениваемых даров охватывает всю экономическую, племенную и моральную жизнь тробрианцев. Она пропитана ею, как очень точно говорит Малиновский. Она представляет собой постоянное «давать и брать». Она как будто пронизана со всех сторон дарами даваемыми, получаемыми, возвращаемыми, обязательными и корыстными, дарами для возвышения и за услуги, в качестве вызова и залога. Мы не можем привести здесь все эти факты, публикацию которых сам Малиновский, впрочем, не закончил. Приведем всего два основных.

Существует зависимость, совершенно аналогичная отношениям кулы и вази. Она устанавливает регулярные обязательные обмены между партнерами из земледельческих племен, с одной стороны, и мореходных племен — с другой. Союзник-земледелец раскладывает свои продукты перед домом своего партнера-рыболова. Тот в следующий раз — после большой рыбной ловли — с избытком возместит полученные в земледельческой деревне продукты продуктами своего труда. Это та же система разделения труда, существование которой мы констатировали на Новой Зеландии.

Другая важная форма обмена приобретает выставочный аспект. Это сагали, большие раздачи пищи, которые устраивают во многих случаях: при сборе урожая, постройке хижины вождя и новых лодок, при траурных празднествах. Эти раздачи устраиваются для групп, оказавших услуги вождю или его клану в обработке земли, перевозке больших стволов деревьев, из которых вытесывают лодки, и балок, в услугах по погребению, оказываемых людьми из клана умершего и т.д. Эти раздачи совершенно равнозначны потлачу у тлинкитов; в них возникает даже тема борьбы и

соперничества. Мы видим в них столкновение кланов и фратрий союзных семей, и вообще они выступают как групповые явления в той мере, в какой в них не ощущается индивидуальность вождя.

Но помимо этого группового права и коллективной экономики, уже менее родственных куле, к данному типу принадлежат, на наш взгляд, все индивидуальные отношения обмена. Возможно, только некоторые из них относятся к категории простой сделки. Однако, поскольку последняя совершается почти исключительно между родственниками, союзниками или партнерами по куле и вази, маловероятно, чтобы этот обмен был действительно свободным. Вообще, даже то, что получают или чем завладевают любым способом, не хранят для себя, если только могут без этого обойтись; обычно полученное передают кому-нибудь другому, например шурина. Случается, одни и те же вещи, которые приобрели и отдали, возвращаются обратно в тот же день.

Все вознаграждение за поставки любого рода, вещи и услуги возвращаются обратно. Приведем без дальнейшей систематизации наиболее важные из них.

Покала и карибуту, «sollicitory gifts»³, которые мы видели в куле, являются видами по отношению к гораздо более обширному роду, достаточно точно соответствующему тому, что мы называем заработной платой. Ее вручают богам, духам. Другое родовое название заработной платы — это капула, мапула — знаки признательности и хорошего приема, и они должны быть возмещены. В этом вопросе Малиновский, по нашему мнению, сделал весьма значительное открытие, проясняющее все экономические и юридические отношения между полами в браке: разного рода услуги, оказываемые жене мужем, рассматриваются как зарплата — дар за услугу, оказываемую женой, когда она предоставляет то, что Коран называет также «нивой».

Несколько наивный юридический язык тробрианцев увеличил различия в названиях разного рода ответных поставок, обозначаемых соответственно названию компенсируемой поставки, даваемой вещи, обстоятельствам и т. д. Некоторые названия учитывают все эти моменты, например дар, вручаемый колдуну или по случаю присвоения титула и называемый лага. Невозможно представить себе, до какой степени весь этот словарь усложнен странной неспособностью разделять и определять и удивительной изоэченностью номенклатур.

Другие меланезийские общества. Увеличивать число сравнений с другими районами Меланезии нет необходимости. Однако некоторые извлеченные из разных мест детали подкрепят наши выводы и докажут, что тробрианцы и новокаледонцы просто развили принцип, встречающийся и у других родственных им народов.

На крайнем юге Меланезии, на Фиджи, где мы установили существование лотлача, действуют и другие примечательные институты, входящие в систему дарения. Существует период, называемый керекере, во время которого нельзя ни в чем никому отказать: сюда входит обмен подарками между двумя семьями во время бракосочетания и т. д. Более того, деньги на Фиджи, в виде зубов кашалота, точно такие, как деньги тробрианцев. Они носят название тамбуа. К ним добавляются камни («матери зубов») и украшения, различные амулеты, талисманы и фетиши племени. Чувства, питаемые фиджийцами в отношении своих тамбуа, точно такие, как только что описанные нами: «К ним относятся как к куклам, их вынимают из корзины, ими восхищаются и говорят об их красоте; их „мать" смазывают и полируют». Их дарение является принудительным: принять их — значит взять на себя обязательства.

Меланезийцы Новой Гвинеи и часть папуасов, подвергшихся их влиянию, называют свои деньги тау-тау; они относятся к той же категории и являются объектом тех же верований, что и деньги на островах Тробриан. Но надо связать это название также с таху-тахуш, что означает «заимствование свинины» (моту и коита). Однако это слово нам знакомо. Это тот самый полинезийский термин, корень слова таонга, обозначающий на Самоа и Новой Зеландии драгоценности и собственность, собранные в семье. Сами слова являются полинезийскими, как и вещи.

Известно, что у меланезийцев и папуасов Новой Гвинеи существует потлач.

Прекрасные данные о племенах острова Буин и банаро, сообщаемые Турнвальдом, уже обеспечили нас множеством опорных пунктов для сравнения. Там, в частности, очевиден религиозный характер обмениваемых вещей — это относится к деньгам, к способу, которым ими компенсируют песнопения, женщин, любовь, услуги: как и на островах Тробриан, они представляют собой нечто вроде залога. Наконец, Турнвальд проанализировал в хорошо изученной категории фактов один, наиболее ярко иллюстрирующий «систему взаимных даров, и «брак посредством покупки» (неточное название). Последний в действительности охватывает поставки в любых направлениях, включая поставки со стороны семьи новобрачной. Женщину, родственники которой

³ Дары, которыми добиваются ответных даров.

не сделали достаточных ответных подарков, отправляют обратно.

В целом весь мир островов и, вероятно, часть родственного ему мира Южной Азии знаком с той же правовой и экономической системой. Следовательно, представление об этих меланезийских племенах, еще более богатых и активно торгующих, чем полинезийские, должно значительно отличаться от того, что широко распространено. У этих людей экономика выходит за рамки домашнего хозяйства, а система обмена весьма развита и отличается, быть может, более интенсивными и стремительными ритмами, чем та, которая еще сто лет назад была присуща нашим крестьянам или прибрежным рыбацким деревням. Экономическая жизнь у них широко развита и выходит за пределы островов и диалектных групп, они ведут активную торговлю. Однако система купли-продажи в очень сильной степени замещена у них дарением ответными дарами.

Препятствие, с которым столкнулось это право (равно как и германское право, мы это увидим далее), — это неспособность абстрагировать и разделить свои экономические и юридические понятия. Впрочем, они в этом и не нуждались. В этих обществах ни клан, ни семья не могут ни разъединиться, ни разграничить свои действия. Даже сами индивиды, какими бы влиятельными и сознательными они ни были, не могут осознать, что им надо противопоставить себя друг другу, и уметь отделить одни свои действия от других. Вождь сливается со своим кланом, а клан — с ним; индивиды ощущают, что они действуют только единообразно. Холмс тонко замечает, что в обоих языках, папуасском и меланезийском, с которыми он познакомился в устье р. Финке (тоарипи и намау), имеется «лишь один термин для обозначения покупки и продажи, для выдачи займа и его получения». Операции, «противоположные по содержанию, выражаются одним и тем же словом». «Строго говоря, они не знали получения и выдачи ссуды в том смысле, в каком мы употребляем эти термины, но всегда было нечто даваемое в виде вознаграждения за заем и возвращаемое при возврате займа». Эти люди понятия не имеют ни о продаже, ни о предоставлении займа, однако же осуществляют юридические и экономические операции, выполняющие ту же функцию.

Аналогичным образом понятие сделки меланезийцам так же несвойственно, как и полинезийцам.

Круит, один из лучших этнографов, продолжая пользоваться словом «продажа», дает нам точное описание того, как это понимается жителями Центрального Целебеса. И тем не менее тораджи с давних пор находятся в контакте с малайцами, активными торговцами.

Итак, определенная часть человечества, относительно богатая, трудолюбивая, создавшая значительные излишки, могла и может обменивать множество вещей в иных формах и на иных основаниях, чем те, что присущи нам.

III СЕВЕРО-ЗАПАД АМЕРИКИ. ЧЕСТЬ И КРЕДИТ.

Из приведенных наблюдений над некоторыми меланезийскими и полинезийскими народами уже вырисовывается весьма четкий облик порядка дарения. Материальная и моральная жизнь, обмен функционируют там в бескорыстной и в то же время обязательной форме. Более того, эта обязательность выражается мифологическим, воображаемым или, если угодно, символическим и коллективным способом: она принимает форму интереса к обмененным вещам. Последние никогда не отрываются от участников обмена, а создаваемые ими общность и союзы относительно нерасторжимы. В действительности этот оимвол социальной жизни — постоянство влияния обменяемых вещей — лишь выражает достаточно прямо способ, которым подгруппы этих сегментированных обществ архаического типа постоянно встраиваются одна в другую, во всем чувствуя себя в долгу друг перед другом.

Индийские племена северо-запада Америки обладают теми же самыми институтами, только более радикальными, более четко выраженными. Прежде всего можно утверждать, что сделка здесь неизвестна. Даже после длительного контакта с европейцами ни одна из многочисленных передач имущества, производимых здесь постоянно, не существуют иначе, как в торжественных формах потлача. Мы опишем последний институт, исходя из нашей точки зрения.

(...)

Сам потлач, столь распространенный и в то же время столь характерный для этих племен, есть не что иное, как система взаимобмена дарами. Потлач отличает лишь вызываемое им буйство, излишества, антагонизмы, с одной стороны, а с другой — некоторая скудость юридических понятий, более простая и лубая структура, чем в Меланезии, особенно у двух наций Севера: тлинкитов и хайда. Коллективный характер договора проступает у них более явственно, чем в Меланезии и Полинезии. Эти общества, несмотря на их внешний облик, в сущности, ближе к тому, что мы

называем тотальными простыми поставками. Юридические и экономические понятия в них также отличаются меньшей четкостью, ясностью и точностью. Тем не менее на практике принципы определены и достаточно ясны.

Два понятия в них, однако, гораздо четче выражены, чем в меланезийском потлаче или чем в более развитых и расчлененных институтах Полинезии: это понятие кредита, рассрочки и понятие чести⁴.

Как мы видели, в Меланезии, в Полинезии дары циркулируют вместе с уверенностью, что они будут возмещены, имея в качестве «гарантии» силу даваемой вещи, которая сама есть эта «гарантия». Но в любом обществе природа дара обязывает к определенному сроку. Из самого определения явствует, что совместная трапеза, раздача кавы, уносимый талисман не могут быть возвращены немедленно. Необходимо «время», чтобы осуществить любую ответную поставку. Понятие срока, таким образом, логически присутствует, когда речь идет о нанесении визитов, брачных договорах, союзах, заключении мира, прибытии на регулярные игры и бои, участии в тех или иных праздниках, оказании взаимных ритуальных и почетных услуг, «проявлениях взаимного уважения» — любых явлениях, обмениваемых одновременно с вещами, становящимися все более многочисленными и дорогими по мере того, как эти общества становятся богаче.

Современная экономическая и юридическая историография полна заблуждений в этом вопросе. Пропитанная новыми идеями, она создает себе априорные представления об эволюции следуя так называемой необходимой логике; по существу же она остается в данном случае в плену старых традиций. Нет ничего опаснее этой «бессознательной социологии», как называл ее Симиан. Например, Кук также утверждает: «В первобытных обществах понимают только режим непосредственного обмена, в передовых обществах практикуется продажа за наличные. Продажа в кредит характеризует высшую фазу цивилизации; она появляется вначале в искаженной форме как сочетание продажи за наличные и займа». На самом же деле отправной пункт иной. Он содержится в категории права, которую юристы и экономисты, не интересующиеся этим, оставляют в стороне; это дар, феномен сложный, особенно в его наиболее древней форме, форме тотальной поставки, которую мы не изучаем в этом исследовании. Однако дар с необходимостью порождает понятие кредита. Эволюция не вызвала перехода права от экономики непосредственного обмена к торговле, а в торговле — оплаты наличными к рассрочке. Именно из -системы подарков, даваемых и получаемых взамен через какой-то срок, выросли, с одной стороны, непосредственный обмен (через упрощение, сближение ранее разделенных сроков), а с другой стороны, покупка и продажа (по-

⁴ О потлаче Боас лучше всего написал следующее (12th Report on the North-Western Tribes of Canada.— В. А. Adv. Sc., 1898, с. 54—55 (ср. Fifth Report, с. 38): «Экономическая система индейцев Британской Колумбии, как и у цивилизованных народов, широко базируется на кредите. Во всех своих предприятиях индеец полагается на помощь друзей. Он обещает заплатить им за эту помощь впоследствии. Если оказанная помощь заключается в ценных вещах, измеряемых индейцами в одеялах, как мы измеряем их в деньгах, он обещает вернуть стоимость займа с процентами. Индеец не располагает системой письменности, и поэтому, чтобы обеспечить гарантии соглашению, оно совершается публично. Получение в долг, с одной стороны, оплата долга—с другой,— это потлач. Эта экономическая система развита до такой степени, что капитал, которым владеют все индивиды, объединенные в племя, намного превышает количество наличных ценностей, находящихся в распоряжении. Иначе говоря, условия совершенно аналогичны тем, которые господствуют в нашем собственном обществе: если бы мы пожелали, чтобы нам оплатили все наши займы, то обнаружилось бы, что в действительности денег для их оплаты никоим образом недостаточно. Результатом попытки всех заимодавцев погасить свои займы является разрушительная паника, от которой общество долго не может оправиться.

Необходимо понять, что индеец, приглашающий всех своих друзей и соседей на большой потлач, где на первый взгляд растрачиваются результаты труда многих лет, преследует две цели, которые мы не можем не признать разумными и достойными похвалы. Первая цель — оплатить свои долги. Это совершается публично, с большими церемониями и в манере нотариального акта. Другая цель состоит в таком размещении плодов своего труда, чтобы извлечь наибольшую выгоду как для себя, так и для своих детей. Те, кто получает подарки на этом празднике, получают их как займы, которые они используют в своих теперешних предприятиях, но по прошествии нескольких лет они должны вернуть их с выгодой для дарителя или его наследника. Стало быть, потлач в конечном счете рассматривается индейцами как способ обеспечить благосостояние своих детей в случае, если они оставят их сиротами в юном возрасте...»

Исправив термины «долг», «оплата», «погашение», «заям», заменив их терминами «сделанные подарки» и «ответные подарки», которые, впрочем, Боас в конце использует, мы получаем достаточно точное представление о функционировании в потлаче понятия «кредит».

О понятии чести см.: Boas. Seventh Report on the N. W. Tribes, с. 57.

следняя — в рассрочку и за наличные), а также заем. Ибо нет никаких доказательств того, чтобы хотя бы одна правовая система, предшествующая описываемой нами фазе (в частности, вавилонское право), не знала кредита, известного во всех архаических обществах, существующих вокруг нас. Вот как, просто и реалистично, можно решить проблему двух «моментов времени», которые договор соединяет и которые уже исследовал Дави.

Не менее значительна роль, которую в этих соглашениях индейцев играет понятие чести.

Именно здесь индивидуальный престиж вождя и престиж его клана не связаны так тесно с расходами и точным ростовщическим расчетом при возмещении принятых даров, с тем чтобы превратить в должников тех, кто сделал вас должниками. Потребление и разрушение при этом действительно не знают границ. В некоторых видах потлача от человека требуется истратить все, что у него есть, и ничего не оставлять себе. Тот, кому предстоит быть самым богатым, должен быть также самым безумным расточителем. Принцип антагонизма и соперничества составляет основу всего. Политический статус индивидов в братствах и кланах, ранги разного рода достигаются «войной имущества» так же, как и войной, удачей, наследованием, союзом или браком. Но все рассматривается так, как если бы это была только «борьба богатств». Бракосочетание детей, участие в братствах осуществляются только в процессе обменных и ответных тютлачей. Их теряют в потлаче, как теряют на войне, в игре, на скачках, в борьбе. В ряде случаев их даже не дарят и возмещают, а просто разрушают, не стремясь создавать даже видимость желания получить что-либо обратно. Сжигают целые ящики рыбьего жира (candle-fisch) «ли китового жира, сжигают дома и огромное множество одеял, разбивают самые дорогие медные изделия, выбрасывают их в водоемы, чтобы подавить, унижить соперника. Таким образом обеспечивают продвижение по социальной лестнице не только самого себя, но также и своей семьи. Такова, стало быть, правовая и экономическая система, в которой тратятся и перемещаются значительные богатства. Если угодно, можно назвать эти перемещения обменом или даже коммерцией, продажей, то это коммерция благородная, проникнутая этикетом и великодушием. Во всяком случае, когда она осуществляется в другом духе, с целью непосредственного получения прибыли, она становится объектом подчеркнутого презрения

Как мы видим, понятие чести, активно действующее в Полинезии, всегда присутствующее в Меланезии, здесь производит настоящие опустошения. В этом пункте классические учения также неправильно оценивают значение побудительных причин человеческого поведения и всего, чем мы обязаны предшествующим нам обществам. Даже столь искушенный ученый, как Ювелен, счел необходимым выводить понятие чести, рассматриваемое как неэффективное, из понятия магической эффективности. Он усматривает в чести, престиже лишь суррогат этой эффективности. Реальность сложнее. Понятие чести в не меньшей мере присуще этим цивилизациям, чем понятие магии. Сама полинезийская мана символизирует не только магическую силу каждого существа, но также его честь, и один из лучших переводов этого слова — это авторитет, богатство. Потлач у тлинкитов и хайда состоит во взгляде на взаимные услуги как на честь. Даже в подлинно первобытных племенах, таких, как австралийские, вопросы чести столь же чувствительны, как в наших обществах, где получают удовлетворение от поставок, пищевых подношений, обрядов так же, как и от даров. Люди научились связывать между собой честь и имя задолго до того, как научились расписываться.

Потлач северо-запада Америки был достаточно изучен во всем, что касается самой формы договора. Необходимо, однако, выявить место, которое должны занять исследования потлача, проведенные Дави и Леонардом Адамом, в более широких рамках интересующего нас предмета. Ибо потлач гораздо больше, чем юридический феномен: он — один из тех феноменов, которые мы предлагаем называть «тотальными». Он является религиозным, мифологическим и шаманистским, поскольку вожди, участвующие в нем и представляющие его, олицетворяют в нем предков богов, имена которых они носят, танцы которых они пополняют и во власти чьих духов они находятся. Он является экономическим, и надо измерять стоимость, значение, основания и следствия этих соглашений, огромных, даже если исходить из сегодняшней европейской стоимости. Потлач есть также феномен социально-морфологический: собрание племен, кланов и семей, даже наций сообщает ему нервность, чрезвычайное возбуждение. Люди братаются и в то же время остаются чужими; они общаются и противодействуют друг другу в гигантской коммерции и постоянном турнире. Мы не касаемся чрезвычайно многочисленных эстетических явлений. Наконец, даже с юридической точки зрения, в придачу к тому, что уже выявлено в форме этих контрактов и в том, что можно было бы назвать человеческим объектом договора, в придачу к юридическому статусу договаривающихся сторон (клаиов, семей, рантов и брачующихся), надо добавить вот что: материальные объекты договоров, обмениваемые в них вещи, также обладают особым свойством, заставляющим их давать и особенно возмещать.

Если бы не недостаток места, в ходе наших рассуждений было бы полезно разграничить четыре формы потлача на северо-западе Америки: 1) потлач, в котором участвуют исключительно или почти исключительно фратрии и семьи вождей (глинкиты); 2) потлач, в котором фратрии, кланы, вожди и семьи играют примерно равную роль; 3) потлач между вождями, выступающими друг против друга кланами (цимшианы); 4) потлач вождей и братств (квакиютли). Но подобное разграничение потребовало бы слишком много места, и, кроме того, три формы из четырех (за исключением той, что у цимшиан) были выделены и представлены Дави. Наконец, в части, касающейся нашего исследования, направленного на три темы дара: обязанности давать, обязанности брать и обязанности возмещать, эти четыре формы потлача относительно одинаковы.

ТРИ ОБЯЗАННОСТИ: ДАВАТЬ, ПОЛУЧАТЬ, ВОЗМЕЩАТЬ

Обязанность давать составляет сущность потлача. Вождь должен устраивать потлач за себя, своего сына, зятя или дочь, за своих умерших. Он сохраняет свой ранг в племени и в деревне, даже в собственной семье, он поддерживает свой ранг среди вождей в национальном и международном масштабе, только если доказывает, что духи и богатство постоянно посещают его и ему благоприятствуют, что богатство это обладает им, а он обладает богатством, и доказать наличие этого богатства он может, лишь тратя его и распределяя, унижая других, помещая их в тени своего имени. Знатный квакиютль и хайда обладают точно таким же понятием о «лице», как китайский ученый или чиновник. Об одном из великих мифических вождей, не дававшем потлач, говорится, что у него было «испорченное лицо». Выражение здесь даже более точное, чем в Китае. Ибо на северо-западе Америки потерять престиж — значит одновременно потерять душу: это действительно «лицо», танцевальная маска, право воплощать дух, носить герб, тотем; это действительно вступает в игру персону, которую теряют в потлаче, в игре даров, как теряют их на войне или вследствие ритуальной ошибки. Во всех этих обществах спешат давать. В любой момент, выходящий за рамки повседневности, не считая даже зимних торжеств и собраний, вы должны пригласить друзей, разделить с ними плоды удачной охоты или собирательства, идущие от богов и тотемов; вы должны распределять среди них все, что раздается на потлаче, где человек был приглашенным; вы должны выражать признательность подарками за всякую услугу, услуги вождей, зависимых людей, родственников — и все это делается, по крайней мере среди знати, — из страха нарушить этикет и потерять свой ранг.

Обязанность приглашать совершенно очевидна, когда она выполняется кланами по отношению к кланам или племенам « по отношению к шлеменам. Она имеет смысл лишь в том случае, когда применяется к людям, не входящим в семью, клан или фратрию. Надо приглашать всех, кто может к очень хочет прийти или приходит на праздник, на потлач. Забвение этого имеет пагубные последствия. Один важный миф цимшиан показывает, в каком состоянии духа зародилась существенная тема европейского фольклора: тема злой феи, которую забыли пригласить на крестины и на свадьбу. Канва установлений, на которой вышита эта тема, здесь четко обозначена; мы видим, в каких цивилизациях она функционировала. Принцесса из одной деревни цимшиан появилась в «краю норок» и рождает чудесным образом от «Норки». Она возвращается со своим ребенком в деревню своего отца, вождя. «Норка» ловит больших белых палтусов, которыми его дед угощает всех своих братьев, вождей всех племен. Он представляет внука всем и советует им не убивать его, если они его встретят на рыбной ловле в облике животного:

«Вот мой внук, принесший для вас эту пищу, которой я угощал вас, гости мои». Таким образом дед разбогател от всякого рода имущества, которое приносили ему, когда к нему приходили угощаться китовым и тюленьим мясом, свежей рыбой, которую «Норка» приносил в голодные зимы. Но в гости забыли пригласить одного вождя. Однажды, когда экипаж лодки из племени, которым пренебрегли, встретил в море «Норку», державшего в зубах большого тюленя, лучник с лодки убил «Норку» и забрал тюленя. И дед и племена искали «Норку» до тех пор, пока не узнали, что произошло с забытым племенем. Последнее принесло извинения; оно не знало «Норку». Его мать-принцесса умерла от горя; невольный виновник вождь принес вождю-деду разного рода подарки в качестве искупления. И миф заключает: «Вот почему народы устраивали большие праздники, когда рождался и получал имя сын вождя: чтобы все его знали». Потлач, распределение благ, составляет фундаментальный акт «признания»: военного, юридического, экономического, религиозного, — во всех смыслах слова. Вождя или его сына «признают», и ему становятся «признательными».

Иногда ритуал праздников у квакиютлей и других племен этой группы выражает тот же принцип обязательности приглашения. Случается, что часть церемоний начинается церемонией Собак. Собаки представлены людьми в масках, которые уходят из одного дома, с тем чтобы силой

проникнуть в другой. Церемония напоминает о событии, когда люди из трех других кланов племени собственно квакиютлей не пригласили представителей наиболее высокопоставленного среди них клана гетела. Последние не захотели остаться «непосвященными», они проникли в дом для танцев и все разрушили.

Обязанность принимать носит не менее принудительный характер. Отказаться от дара, от потлача не имеют права. Действовать так — значит обнаружить «боязнь необходимости вернуть, боязнь оказаться «уничтоженным», не ответив на подарок. В действительности это как раз и значит быть «уничтоженным». Это означает «потерять вес» своего имени; это или заранее признать себя побежденным, или, напротив, в некоторых случаях провозгласить себя победителем и непобедимым. Реально, вероятно, по крайней мере, у квакиютлей признанное положение в (иерархии, победы в предыдущих потлачах позволяют отказываться от приглашения или даже в случае присутствия на празднике отказываться от дара без последующей войны. Но тогда потлач обязателен для отказавшегося; особенно необходимо устроить более богатый праздник жира, где может состояться точно такой же ритуал отказа. Вождь, считающий себя выше, отказывается от подносимой ему ложки, наполненной жиром; он выходит за своей «медью» и возвращается с ней, чтобы «погасить огонь» (жира). Далее следует ряд формальностей, обозначающих вызов и обязывающих отказавшегося вождя устроить другой потлач, другой праздник жира. Но в принципе любой дар всегда принимается и даже расхваливается. Следует громко оценить приготовленную еду. Но, принимая ее, знают, что берут на себя обязательство. Дар принимают «на спину». Вещью и тиром не просто пользуются, но принимают вызов, а принять его смогли потому, что есть уверенность в ответе на него, в доказательстве равенства. Сталкиваясь подобным образом, вожди доходят до того, что оказываются в (комических ситуациях, несомненно осознаваемых как комические. Как в древней Галлии или в Германии, как на наших студенческих, солдатских или крестьянских пирушках, пожирают огромное количество еды, гротескным образом «оказывают честь» тому, кто приглашает. Покорность проявляют даже потомки того, кто бросил вызов. Уклониться от дарения, как и от принятия, — нарушить обычай, так же как и уклониться от возмещения.

Обязанность отвечать на дары — это весь потлач в той части, которая не сводится к чистому разрушению. Сами же эти уничтожения, чаще всего жертвенные, посвященные духам, по-видимому, не нуждаются в безусловном возмещении, особенно когда они совершаются верховным вождем в клане или вождем клана, уже признанного высшим. Но в нормальных условиях потлач всегда требует ответного потлача с избытком, и всякий дар должен возмещаться с избытком. Процент общего «избытка» колеблется от 30 до 100 в год. Даже если за оказанную услугу человек получает одеяло от своего вождя, он вернет ему два по случаю свадьбы в семье вождя, возведения на трон сына вождя и т. д. Вождь же, в свою очередь, отдаст ему все вещи, которые он получит во время ближайших потлачей, когда противоположные кланы возместят ему его благодеяния.

Обязанность достойно возмещать носит императивный характер. Если не отдаривают или не разрушают эквивалентные ценности, навсегда теряют лицо.

Санкцией для обязанности отдаривать служит рабство за долги. Она функционирует, по крайней мере, у квакиютлей, хайда и цимшиан. Это институт, реально сопоставимый по своей природе и по функции с римским *pignus*⁵. Индивид, который не смог вернуть долг или потлач, теряет свой ранг и даже ранг свободного человека. У квакиютлей, когда неплатежеспособный индивид берет займы, о нем говорят как о «продающем раба». Нет нужды еще раз отмечать тождество этого выражения и римского.

Хайда говорят даже — как будто им известно латинское выражение — о матери, делающей подарок матери молодого вождя по поводу его помолвки со своей юной дочерью, что она «обвивает его нитью».

Но, подобно тому как тробрианская кула — это лишь крайний случай обмена дарами, потлач в обществах северо-западного побережья Америки — это лишь нечто вроде чрезвычайного продукта системы подарков. По крайней мере в краю фратрий, у хайда и тлинкитов, остаются существенные следы прежней совокупной поставки, столь характерной, впрочем, и для атапасков, важной группы родственных племен. Подарками обмениваются по любому поводу, в связи с каждой услугой, и все возмещается впоследствии или даже тотчас же, с тем чтобы быть перераспределенным незамедлительно. Цимшианы очень близки к соблюдению тех же правил. И во многих случаях у квакиютлей они функционируют даже вне потлача. Мы не будем настаивать на этом очевидном моменте: старые авторы не описывают потлач в других терминах, так что можно задаваться вопросом, составляет ли он особый институт. Напомним, что у чинуков, одого из наименее

⁵ Формальный договор между кредитором и должником, согласно которому должник гарантировал возврат долга, ручаясь своей собственной свободой.

изученных и наиболее важных для изучения племен, слово «потлач» означает дар

СИЛА ВЕЩЕЙ

Можно продвинуться в анализе еще дальше и доказать, что в вещах, обмениваемых в потлаче, имеется свойство, заставляющее дары циркулировать, заставляющее дарить и возмещать их.

Прежде всего, по крайней мере, квакиютли и цимшианы между различными видами собственности проводят то же различие, что и римляне или тробрианцы и самоанцы. У них существуют, с одной стороны, объекты потребления и обыкновенного раздела. (Я не обнаружил следов обмена.) А с другой стороны, существуют фамильные ценности, талисманы, медные гербовые пластины, одеяла из шкур или гербовые ткани. Этот последний класс объектов передается столь же торжественно, как передаются женщины на бракосочетаниях, «привилегии» зятю, имена и обереги детей и зятьев.

Было бы неточно говорить в данном случае об отчуждении. Эти объекты скорее даются в займы, чем продаются и уступаются навсегда. У квакиютлей некоторые из них, хотя и появляются на потлаче, не могут уступаться. В сущности, такая «собственность» — это саста, святыня, с которой семья расстается с трудом или не расстается никогда.

Более глубокие наблюдения обнаружат такое же разделение вещей у хайда. Они, по существу, даже обожествовали, подобно древним, понятие собственности, имущества. Посредством мифологического и религиозного усилия, достаточно редкого в Америке, они возвысились до субстанциализации абстракции «Госпожа собственность» (английские авторы говорят Property Woman), о которой мы располагаем мифами и описаниями. У них она вовсе не мать, это богиня — родоначальница доминирующей фратрии, фратрии орлов. Но, с другой стороны, существует странный факт, вызывающий очень далекие реминисценции с азиатским и античным мирами: она, вероятно, тождественна «королеве» — основной фигуре (игры в чурки, той, которая все выигрывает, чье имя богиня частично носит. Эта богиня находится в краю тлинкитов, и миф о ней, а возможно, и ее культ обнаруживается у цимшиан и квакиютлей.

Совокупность этих драгоценных вещей составляет магическое наследство; последнее часто тождественно и дарителю и получателю, а также духу, который одарил клан этими талисманами, или герою, создателю клана, которому дух дал их. Во всяком случае, совокупность этих вещей во всех указанных племенах всегда имеет духовное происхождение и является духовной по природе. Более того, она заключена в ящике, точнее, в большом сундуке, украшенном гербами, который наделен развитой индивидуальностью, который говорит, который привязан к своему владельцу, хранящему его душу, и т.д.

Каждая из этих драгоценных вещей, каждый из этих знаков богатства, как и на островах Тробриан, обладает своей индивидуальностью, своим именем, своими свойствами, своей силой. Большие раковины абалоне, покрытые ими щиты, украшенные ими одеяла сами по себе с изображениями гербов, лиц, глаз, а также с ткаными и вышитыми изображениями животных и людей, дома и балки, декорированные стены — все они представляют собой живые существа. Все говорит: крыша, огонь, изваяния, роспись, — так как магический дом строится не только вождем, или его людьми, или людьми парной фратрии, но также и богами и предками; именно он принимает и исторгает одновременно духов и «прошедших инициацию».

Каждая из этих драгоценных вещей, кроме того, содержит в себе способность к воспроизведению. Она не просто знак и залог; она также знак и залог богатства, магический и религиозный принцип высокого положения и изобилия. Блюда и ложки, которые употребляют на торжественных трапезах, украшенные, резные, с эмблемой тотема клана или тотема ранга, — это живые вещи. Это копии орудий, бесчисленных, созидающих пищу, которую духи давали предкам. Сами они считаются волшебными. Таким образом, вещи смешиваются с духами, их творцами, орудия еды — с пищей. Кроме того, блюда у квакиютлей и ложки у хайда являются важнейшими ценностями, необходимыми для очень ограниченного обращения, и очень скрупулезно распределяются между кланами и семьями вождей.

ДЕНЬГИ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПОЧЕТ

Однако объектом наиболее важных верований и даже культа выступают медные слитки с клеймом, которые являются основополагающими для потлача. Прежде всего во всех этих племенах существует культ меди и миф о ней как о живом существе. Медь, по крайней мере у хайда и квакиютлей, отождествляется с лососем, который сам является объектом культа. Но помимо этого

элемента метафизической и технической мифологии все эти куски меди то отдельности являются объектом индивидуальных и своеобразных верований. Каждый значительный слеток вождей имеет свое имя, свою собственную индивидуальность, свою собственную стоимость в полном смысле слова, магическую и экономическую, постоянную, устойчивую, несмотря на смену потлачей, через которые они проходят, и даже вопреки частичным или лолным разрушениям.

Медные слитки обладают, кроме того, притяжением, привлекающим другую медь, так же как богатство притягивает богатство, как достоинства влекут за собой почести, обладание духами, прекрасные союзы, и наоборот. Они живут, самостоятельно движутся и вовлекают в движение другие медные пластины. Одна из них у квакиютлей называется «увлекающая за собой медь», это выражение рисует, как медные пластины собираются вокруг нее, а имя ее владельца — это «имущество, стекающееся ко мне». Другое распространенное имя медных пластин — «приносящая собственность». У хайда и глиниюитов медные пластины — это «сильные» около принцессы, приносящей их. В других местах вождь, владеющий ими, делается непобедимым. Они представляют собой «гладкие божественные вещи» дома. Часто миф отождествляет их всех, духов-дарителей медных пластин, собственников этих пластин и сами пластины. Невозможно различить, что создает силу одного из духов и богатство другого: медь говорит, ворчит; она требует, чтобы ее отдали, разбили, ее покрывают одеялами, чтобы согреть, так же как вождя накрывают одеялами, которые он должен раздать. Но, с другой стороны, одновременно с имуществом передаются богатство и удача. Это ее дух, это ее духи-помощники делают (посвященного обладателем медных пластин, талисманов, которые сами являются средством приобретения медных пластин, богатств, рангов и, наконец, духов; впрочем, все эти вещи равнозначны. В сущности, когда оцениваются одновременно медные пластины и другие постоянные формы богатства, которые также являются объектами чередующихся накоплений и потлача (маски, талисманы и т. д.), они все смешиваются с их использованием и с их действием. Через ях посредством достигаются ранги; именно потому, что .приобретают богатство, добиваются духа, а последний, в свою очередь, овладевает героем, преодолевающим препятствия. И тогда этот герой также заставит себе заплатить своими шаманистскими трансми, ритуальными танцами, услугами за его командование. Все держится друг за друга, перемешивается; вещи обладают личностью, а личности в определенном смысле представляют собой постоянные вещи клана. Титулы, талисманы, медные пластины и духи вождей — это омонимы и синонимы, имеющие одинаковую природу и функцию. Циркуляция имущества сопровождается циркуляцией мужчин, женщин и детей, пиров, обрядов, церемоний и танцев и даже циркуляцию -шутков и оскорблений. Суть везде одна и та же. Если дают вещи и возмещают их, то это потому, что друг другу дают и возмещают «уважение» — мы говорим также «знаки внимания». Но дело также и в том, что, одаривая, отдают себя, а отдают себя потому, что именно себя -вместе со своим имуществом «должны» другим.

ПЕРВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, среди четырех значительных групп народов мы вначале обнаружили в двух или трех группах потлач, затем выявили главную причину и стандартную форму самого потлача и, наконец, обнаружили за ним и во всех этих группах архаическую форму обмена, форму подносимых и получаемых в ответ даров. Более того, мы идентифицировали циркуляцию вещей в этих обществах с циркуляцией прав и личностей. Мы могли бы на этом и остановиться. Масштаб, распространенность, важность этих явлений позволяют нам полностью представить себе порядок, который типичен, вероятно, для очень значительной части человечества в течение весьма длительной переходной фазы, который сохраняется еще и у других народов, помимо тех, что мы сейчас описали. Они позволяют нам понять, что этот принцип обмена-дара, вероятно, присущ обществам, которые вышли из стадии «совокупной, тотальной поставки» (от клана к клану и от семьи к семье), но еще не пришли к чисто индивидуальному договору, к рынку, где обращаются деньги, к продаже в собственном смысле и особенно — к понятию цены, определяемой во взвешиваемой и пробируемой монете.

* Одно принципиальное замечание об употреблении понятия денег. Несмотря на возражения Малиновского, мы настаиваем на использовании этого термина. Малиновский применяет понятие денег к объектам, служащим не только средством обмена, но еще и эталоном для измерения стоимости. Симиан высказал мне такие же возражения по поводу использования понятия стоимости в обществах подобного рода. Оба названных ученых, конечно, правы со своей точки зрения; они понимают слова «деньги» и «стоимость» в узком смысле. В таком понимании экономическая стоимость возникала только тогда, когда были деньги, а

деньги существовали только в тех случаях, когда драгоценные вещи, сами накопленные богатства и знаки богатств действительно превратились в деньги, т. е. были отчеканены, обезличены, оторваны от всякой связи с любым юридическим лицом, коллективным или индивидуальным, кроме государственной власти, которая их печатает. Но вопрос, поставленный таким образом, сводится лишь к произвольным границам, которые могут быть поставлены употреблению слова. На мой взгляд, таким образом определяют только второй тип денег — наш.

Во всех обществах, предшествующих тем, в которых стали превращать в деньги золото, бронзу и серебро, существовали другие вещи: камни, раковины и драгоценные металлы, в особенности те, которые служили средством обмена и платежа. Во многих обществах, окружающих нас до сих пор, фактически функционирует та же самая система, и именно ее мы и описываем.

Да, эти драгоценные предметы отличаются от того, что мы привыкли воспринимать как орудие освобождения. Вначале, помимо своей экономической сущности, своей стоимости, они обладают преимущественно магической сущностью и выступают главным образом как талисманы: life-givers [дающие жизнь], как говорил Риверс и как говорят Перри и Джексон. Более того, они весьма широко циркулируют внутри общества и даже между обществами. Но они еще привязаны к лицам или кланам (первые римские монеты чеканили gentes), к индивидуальности их прежних собственников и к прошлым договорам между юридическими лицами. Их стоимость еще субъективна и личностна. Например, монеты из нанизанных раковин в Меланезии еще измеряются пядью дарителя. Мы увидим и другие важные примеры этих институтов. Верно также, что эти стоимости неустойчивы и лишены свойств, необходимых для эталона, меры. Например, их цена растет и снижается вместе с числом и величиной передач, в которых они были использованы. Малиновский проводит очень красивое сравнение ваигу'а островов Тробриан, обретающих престиж в процессе путешествий, с жемчужинами в короне. Подобно этому стоимость медных пластин, украшенных гербами, на северо-западе Америки и циновок на Самоа растет с каждым потлачем, с каждым обменом.

Но, с другой стороны, с обеих точек зрения эти драгоценные вещи выполняют те же функции, что и деньги в наших обществах, и, следовательно, могут удостоиться включения в ту же категорию, по крайней мере. Они обладают покупательной способностью, и эта способность исчисляется. За такую-то американскую «медь» причитается плата в столько-то одеял, такому-то ваигу'а соответствует столько-то корзин ямса. Идея числа там присутствует даже тогда, когда это число устанавливается иначе, чем авторитетом государства, и варьирует в ряде кул и потлачей. Более того, эта покупательная способность по-настоящему освобождает от обязательств. Даже если она признана только между определенными индивидами, кланами и племенами и только между союзниками, она носит не менее публичный, официальный, фиксированный характер. Брудо, друг Малиновского, как и он долго живший на островах Тробриан, платил ловцам жемчуга ваигу'а, так же как и европейскими деньгами или товарами по твердому курсу. Переход от одной системы к другой осуществлялся легко, стало быть, был возможен.

На наш взгляд, человечество долго действовало на ощупь. Вначале, на первой фазе, оно обнаружило, что некоторые вещи, почти все магические и драгоценные, не разрушались в результате использования, и наделило их покупательной способностью. (В то время мы обнаружили древность происхождения денег.) Далее, на второй фазе, после того как удалось заставить циркулировать эти вещи в племени и за его пределами, человечество обнаружило, что эти инструменты покупки могут служить средством исчисления и циркуляции богатств. Это стадия, которую мы сейчас описываем. И только начиная с этой стадии, в семитских обществах в достаточной древнюю эпоху, а в других местах, вероятно, в не очень отдаленные времена, изобрели третью фазу — средство оторвать эти драгоценные вещи от групп и людей, сделать их постоянным инструментом измерения стоимости, прямо-таки всеобщей, хотя и не рациональной мерой — в ожидании лучшей. Стало быть, на наш взгляд, существовала форма денег, которая предшествовала нашим формам, не считая тех, которые относятся к предметам обихода (например, медные и железные пластинки, слитки и т. д. в Африке и в Азии), и не считая скот в европейском древнем обществе и в современных обществах Африки.

Приносим извинения за то, что были вынуждены затронуть столь обширный вопрос. Но он слишком тесно связан с нашим предметом, поэтому необходимо было его прояснить.